

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «БИОГРАФИИ» УНИКАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА БРОНЗОВОГО ВЕКА

(Рец. на кн.: Бородинский клад героической эпохи бронзового века. Естественно-научный и исторический контекст / отв. ред. Н. И. Шишлина. М.: Ист. музей, 2019. 160 с., ил. (Тр. ГИМ. Вып. 211))

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-196-198

Рецензируемая монография является плодом совместных усилий большого международного коллектива очень разных специалистов. Максимально широкое использование данных естественных наук давно и прочно вошло в практику современных археологических исследований. Однако гораздо привычнее видеть результаты таких работ в отношении новых материалов. В нашем же случае речь идет об уникальном комплексе, обнаруженном более века назад: в 1912 г. Бородинский клад был найден при разработке камня недалеко от современной Одессы. Оперативный выезд представителя Императорской археологической комиссии в окрестности д. Бородино на место находки не добавил никаких важных подробностей.

Едва ли не с первых опытов интерпретации специалисты понимали исключительную ценность комплекса, включавшего уникальные артефакты. Металлические артефакты представлены массивными серебряными с позолотой (два целых наконечника копий и втулка еще от одного; кинжал и булавка) и двумя бронзовыми пластинчатыми накладками. Все предметы из драгоценных металлов богато орнаментированы. Не менее примечательна и серия каменных предметов (четыре целых и один фрагмент изящных втульчатых топоров, а также три разнотипных навершия булав). Если сходные каменные артефакты нечасто, но обнаруживаются в погребениях (всегда единично), то прямых аналогий металлическим просто нет.¹ Это делает клад совершенно эксклюзивным комплексом, найденным к тому же в зоне пересечения нескольких принципиально разных культурных традиций бронзового века (европейской, кавказской и степной-лесостепной).

Бородинский клад давно уже стал классикой восточноевропейской археологии бронзового века, одной из главных его визитных карточек. Фактическое отсутствие контекста

находки (что вполне объяснимо для этой категории археологических памятников), казалось бы, ставит перед исследователем неразрешимую проблему получения нового знания. Никак не облегчает ситуации упомянутая уникальность большинства предметов, которым непросто найти аналоги. Наконец, музейный статус артефактов, часть которых изготовлена из драгоценных металлов, также сильно лимитирует перечень возможных методик анализа. Эти проблемы с успехом были преодолены авторами, применившими широкий спектр неинвазивных технологий.

Яркий и информативный комплекс Бородинского клада, объединяющий разные регионы и культурные традиции бронзового века, располагает обширнейшей историографией,² которая исчерпывающим образом представлена в новом издании. Один из авторов монографического сочинения о Бородинском кладе³ профессор Э. Кайзер написала введение и к настоящему изданию. Семь же его глав представляют историю осмысления, каталог находок, результаты анализа минерального состава каменных изделий в рамках разных подходов, освещают состав золотых, серебряных и медных сплавов. Отдельная глава посвящена реконструкции последовательности операций по изготовлению и декорированию металлических находок. Завершающая часть синтезирует полученную информацию и посвящена историческому контексту.

Двигаясь последовательно «от пролога к эпилогу», непросто выделить из всего массива информации наиболее яркие страницы. С некоторым удивлением приходится констатировать, что до выхода этого издания специалисты не располагали даже точными высококачественными изображениями всех шестнадцати

¹ Типологически близкие наконечники сейминско-турбинских копий изготовлены из бронзы и лишены дополнительных украшений в виде инкрустации из золота.

² См.: Бочкарев В. С. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968. Вып. 1. С. 102–120; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989; и др.

³ См.: Kaiser E. Der Hort von Borodino. Kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nord-westlichen Schwarzmeergebiet. Bonn, 1997.

артефактов, не говоря уже о том, что на периферии интереса часто оказывались «неяркие» категории предметов (металлические пластины и фрагмент керамики). При этом, как уже упоминалось, комплекс был неперменным атрибутом всех научных реконструкций, связанных с периодом позднего бронзового века (хронологических, культурогенетических, палеотехнологических и пр.).

Впрочем, не это делает книгу по-настоящему интересной для читателя. Аналитические главы наглядно иллюстрируют изменившийся спектр возможностей анализа вещества и технологии. В соответствии с современными международными стандартами, авторы в полном объеме представляют исходные данные и методики анализа, которые приводят в некоторых случаях к неожиданным заключениям. Так, например, казавшийся решенным вопрос о материале изготовления каменных топоров (нефрит) и наверший булав (тальк) был пересмотрен в результате комплексного изучения этих артефактов разными методами. В первом случае древними мастерами были использованы антигорит (группа серпентина) и жадеит, во втором — антигорит белого оттенка. Это заключение может показаться частным итогом очень сложной процедуры. На самом деле это вовсе не так, поскольку на протяжении многих лет авторы исторических реконструкций были вынуждены искать источники нефрита далеко за пределами местонахождения клада (например, в Прибайкалье), хотя топоры и навершия булав в основном найдены в западной части Евразии. Закрывает ли это вопрос о перемещении этого материала на тысячи километров с востока на запад? Видимо, нет. Нефритовые кольца Турбинского могильника в Приуралье — как минимум некоторые из них, — скорее всего, связаны с этими далекими месторождениями. Детализации выводов в этой части препятствуют не столько особенности анализируемых изделий клада, сколько нехватка сравнительного материала из разных геологических зон. Очевидно, что задача формирования такого «фона» требует дополнительных усилий большой группы специалистов, в противном случае выводы в этой части так и останутся в статусе гипотез, нередко конкурирующих между собой.

Не менее интригующими оказались итоги изучения состава металла и реконструкция технологии изготовления предметов. Удалось подтвердить гипотезу о различиях в

происхождении и технологии производства наконечников копий, один из которых связан с приуральскими сейминско-турбинскими древностями. Неожиданным оказался вывод о едином источнике золота, использованного для украшения и изготовления столь разных артефактов. Кроме того, диагностирован чрезвычайно высокий уровень развития технологии производства, а также исключительное сходство способов украшения, в том числе для предметов разного происхождения. Это делает историю формирования клада куда более многогранной и детальной, чем представлялось ранее.

Особенно сильное впечатление производит подробнейшая реконструкция всего технологического цикла производства и декорирования каждого из изделий, обильно обеспеченная макрофотографиями и рисунками. Такой уровень погружения в детали позволяет авторам аргументировано обсуждать индивидуальные особенности работы мастера, его инструментарий, степень специализации и другие аспекты, редко доступные для прямого изучения. Нет ничего неожиданного в выводе о длительном функционировании массивных изделий из драгоценных металлов, а вот обнаружение следов работы разных мастеров на одном наконечнике копья, да еще и с некоторым разрывом во времени, вряд ли можно было предсказать до проведения трасологического исследования. Пожалуй, впервые с такой уверенностью можно говорить о существовании узкоспециализированных мастерских, из которых вышли высокохудожественные кинжал и булава, которые при всем технологическом и стилистическом сходстве демонстрируют почерк разных мастеров. То есть, мы имеем дело не с индивидом, а с неким форматом коллективной организации производства. Увы, это мало что добавляет к вопросу о локализации такого производства в соотношении с местом находки.

Обобщающая глава написана Н. И. Шишлиной, редактором монографии и руководителем проекта. Она представляет собой попытку сформулировать непротиворечивую реконструкцию, в которую вписываются новые факты — разумеется, с учетом сделанного предшественниками и последних достижений в изучении бронзового века Северной Евразии. Автор счастливо избежала соблазна представить «единственно верное решение» в ответе на ряд вопросов: «где, когда, кем, для кого

и для чего» были изготовлены эти предметы. И все же точность новых заключений явно меняет вектор поиска ответов, сужает поле возможных решений в диагностировании источников сырья и мест изготовления каменных топоров и наветший булав, позволяет очертить круг культур, в которых они бытовали, определить их принадлежность к так называемой колесничной эпохе. Ее хронология в свете широкого внедрения радиоуглеродного датирования изменилась существенно,⁴ равно как и хронология сейминско-турбинского феномена,⁵ но удревление коснулось всей системы культур бронзового века. В Зауралье наиболее яркие проявления колесничного комплекса фактически синхронны сейминско-турбинским древностям начиная с XX вв. до н. э. Причин для сужения интервала до XIX–XVII вв. до н. э., как это сделано в монографии, я не вижу. Общий вывод более ранних работ о поликультурности комплекса остался незыблемым.⁶ При всей условности разграничения восточного (каменные топоры, наконечники копий) и северо-причерноморского (кинжал и булавка) компонентов неоднородность улавливается на всех уровнях анализа. При этом нет сомнений в относительной легкости циркуляции драгоценного сырья,

масштабы которой мы не можем оценить. Становится все более очевидным, что мы имеем дело с кладом длительного накопления, с сокровищами, передаваемыми потомкам. Увы, это означает, что использовать замечательный во всех отношениях памятник в качестве хронологического репера вряд ли возможно.

Завершая этот краткий экскурс по страницам издания, хочется особенно отметить его полиграфическое совершенство, которое обычно присуще альбомам, но редко встречается среди научных книг. Точность передачи цветовой гаммы изделий, особенно каменных, дополняет изложение строго выверенных научных фактов эмоционально образным восприятием. Книга, вне сомнений, найдет своего читателя, который отдаст должное авторам, редактору, а также художникам, приложившим руку к этому изданию. Монография хорошо иллюстрирует возможности естественно-научных методов в изучении археологического материала, однако одновременно она пытается ответить на вопросы реконструкции исторической ситуации, в которой формировался уникальный комплекс Бородинского клада, возвращает нас к вопросам социальной организации обществ бронзового века.

*д.и.н. А. В. Епимахов,
Южно-Уральский филиал,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Челябинск)*

⁴ См.: Chechushkov I. V., Epimakhov A. V. Eurasian Steppe Chariots and Social Complexity during the Bronze Age // *Journal of World Prehistory*. 2018. Vol. 31, № 4. P. 435–483.

⁵ См.: Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург, 2020.

⁶ См.: Бочкарев В. С. Указ. соч.